

В данный момент Ши Удуань был не один. Банья был не единственным, кто воспользовался хаотичностью боевого собрания. В тот вечер, когда праздник достиг своего апогея, он вернулся и обнаружил, что в его комнате кто-то есть - круглолицая девушка, на вид лет пятнадцати-шестнадцати, не больше. Она напряглась, когда он вошел, и вдруг вскочила на ноги, дико жестикулируя:

«Маленький шишу, не... не бойся, я».

Ши Удуань лишь взглянул на нее, даже не замедлив шагов. Он небрежно прикрыл дверь и ответил:

«Одна из учениц Куруо-шишу, я полагаю?».

Эта девушка была не сильно младше его и, судя по голосу, вероятно, была одной из старших учениц Куруо. Он никогда не встречал ее раньше.

Впрочем, этого и следовало ожидать. Битан внимательно следил за всеми искусными учениками и старшими учениками Куруо. Лишь такая робкая и простая девушка, как она, смогла бы пробраться незамеченной.

«Как тебя зовут?»

Она заколебалась и робко ответила:

«Можешь звать меня просто Хуэй-эр, маленький шишу».

Ши Удуань налил ей чашку чая и объяснил:

«Присаживайся, я понял, что здесь уже кто-то есть. Когда ты вошла, сработал установленный мной «Приветственный массив». По весу посетителя я определил, чья ты ученица».

Вес девочки значительно отличался от веса взрослого мужчины, а в секте единственное место для маленьких девочек находилось в распоряжении Куруо. Ши Удуань не стал объяснять дальше, а сразу перешел к делу:

«Есть ли у Куруо-шишу какие-нибудь срочные распоряжения для меня?».

Возможно, он привык говорить скучным тоном, но его голос ничуть не звучал обеспокоенно или тревожно, к тому же был очень мягким. Девушка, которая, впервые рискнув, вначале сильно запаниковала, неосознанно успокоилась. Она поблагодарила его за чай и сказала:

«Шицзу* просила меня проверить, как ты себя чувствуешь. Она также сказала, что если ты... если ты попал в ловушку этого злодея Битана, то ты не должен вести себя безрассудно, и что она обязательно найдет способ вытащить тебя отсюда».

(*) Шицзу - наставник наставника.

Ши Удуань улыбнулся и подумал, не означает ли безрассудный поступок, что за моей жизнью больше не будут охотиться? Не говоря уже о том, что сама Куруо уже стала глиняной статуей, переплывающей реку*, неужели у нее хватает времени беспокоиться о других? Тем не менее, он оценил ее заботу. Он кивнул:

«Я и вправду поступил недостойно, заставив Куруо-шишу беспокоиться обо мне. Надеюсь, Куруо-шишу по-прежнему в порядке?»

(*) Человек, находящийся в тяжелом положении.

Глаза Хуэй-эр покраснели, почти на грани слез. Ши Удуань тихо вздохнул и напомнил ей:

«Хуэй-эр, это место небезопасно, пожалуйста, говори короче».

Хуэй-эр кивнула и с силой вытерла слезы, но не смогла удержаться от того, чтобы не скривить лицо. Она кусала губы, пытаясь сдержать рыдания. Через некоторое время она, наконец сказала:

«Шицзу и все шибо и шишу, и все шицзе и шимэй знают, что мастер секты был убит этими двумя злодеями, Битаном и Банья, и все потому, что он не согласился на ритуал, чтобы позаимствовать удачу. Тогда, когда императорский указ достиг горы Цзюлу, мастер секты упорно отказывался его принимать, и тогда, кто бы мог подумать, что в нашей секте Сюань найдутся такие предатели...»□□

Значит, все так и было - Ши Удуань уже давно все понял. Выражение его лица не изменилось, пока он молча слушал.

«Когда шицзу прибыла сюда, чтобы заниматься культивированием, ее уже перестали волновать распри и борьба в мире смертных. Она говорила, что нет никакой разницы, заимствуют они удачу или нет, но, как они смеют... как они смеют бросать вызов главе секты и приказывать убивать своих братьев по секте?»

Заметив, что ее глаза снова начали краснеть, Ши Удуань жестом остановил ее слова, он спросил:

«Только что на собрании, я видел, что действия Куруо-шишу казались сдержанными, с чем это связано?».

По щекам Хуэй-эр покатались крупные капли слез, она всхлипнула:

«Тогда, когда в секте Сюань произошло столкновение между двумя сторонами, Битан уже сражался с мастером секты, когда мы прибыли туда, потому что мы жили далеко. Мы видели, как Банья, этот жалкий подонок, напал на него из засады сзади и раздробил его плечо....».

Брови Ши Удуаня подергивались. После пяти лет молчания он, наконец услышал то, что произошло в тот день, собственными ушами. Он думал, что его сердце уже замерло, но кто бы мог подумать, что в его груди разгорелся огонь. Прошло немало времени, прежде чем на его спокойном лице появилась улыбка. Его голос был опасно тихим, когда он спросил:

«Значит, это был Банья. Ты видела это своими глазами?».

Хуэй-эр кивнула:

«Все, и шицзу в том числе, видели это».

Она посмотрела на Ши Удуаня и вдруг почувствовала, что в его слегка осунувшемся лице и неуместной улыбке таится страшная злоба. Глаза Ши Удуаня были вытянуты, словно мазок кисти, но под блестящей тушью скрывалась непостижимая пропасть, и она не могла понять, о чем он думает. Она с опаской спросила:

«Маленький шишу?».

Ши Удуань мягко спросил:

«Чем скована Куруо-шишу?».

Куруо была отстранена от мелочной борьбы за власть и снисходительно относилась к ученикам своих учеников. Было много молодых девушек, таких как Хуэй-эр, чье культивирование было низким. В такой односторонней битве ей было бы трудно убежать одной, не говоря уже о том, чтобы взять с собой кучу обременительных учеников и старших учеников.□□

С другой стороны, Битан, ради своего ложного «товарищества в одной секте» и для того, чтобы секта Сюань не потеряла лицо одной из четырех великих сект, внезапно потеряв половину своих людей, вероятно, заключил с ней какое-то соглашение. Должно быть, мастеру Куруо с ее вспыльчивым характером было тяжело терпеть такое унижение ради своих учеников.

«Шицзу носит знак Святой Печати».

Ши Удуань удивленно нахмурился - он уже слышал о таком знаке. Она могла сливаться с телом человека, оставаясь невидимой для невооруженного глаза. Он не ограничивал движения человека, а лишь не давал ему свободно использовать свою ци. Если бы человек все же воспользовался ей, то Святая Печать выступила бы из его вен и задушила бы его до смерти.

Вдруг над головой Хуэй-эр зазвенел маленький колокольчик, подвешенный к потолку. Хуэй-эр вздрогнула, но Ши Удуань встал и прижал указательный палец к губам, жестом призывая ее к молчанию. Он тихо сказал:

«Там незваные гости, не издавай ни звука».

Глаза Хуэй-эр расширились, а лицо побледнело от испуга.

Ши Удуань потащил ее в спальню, открыл старый шкаф, вытащил кролика, который обглаживал листья, и затолкал Хуэй-эр внутрь:

«Прячься здесь, не шуми».

Хуэй-эр в панике дернула его за рукав:

«Маленький шишу, это... это...».

Ши Удуань действовал быстро, но на его лице не было никаких признаков беспокойства. Он спокойно улыбнулся ей, похлопал по руке и сказал:

«Ничего страшного. Я живу слишком долго, и обязательно должны были найтись люди, которых это раздражает».

Хуэй-эр в шоке закрыла рот руками. Только тогда она начала понимать, что этот маленький шишу, который казался не намного старше ее, сильно отличался от нее. За эти пять лет у него не было защиты шицзу, готовой пожертвовать собой ради него. Он мог только оставаться здесь, в одиночестве, в этом похожем на склеп маленьком дворике, охраняя мертвую астробию, чтобы коротать свои дни.

Казалось, что он живет в другом мире.

Ши Удуань не обратил на нее внимания и закрыл шкаф, как только закончил говорить. Он постоял немного в комнате и глубоко вздохнул.

«Логично, что Банья выбрал именно этот момент, чтобы действовать, такие возможности выпадают нечасто, – подумал Ши Удуань. Он снова взглянул на шкаф и подумал, – я предполагал, что смогу позаимствовать силу Куруо-шишу, но теперь, похоже, придется надеяться на лучшее».

Он поправил верхний халат, неторопливо прошел во внешнюю комнату и зажег свечу – свеча была очень короткой, длиной с большой палец взрослого человека, цвет ее был жутко красным, воск капал, как свежая кровь, просачивающаяся из раны. Аромат был металлическим.

Ши Удуань накрыл свечу колпаком. Птица Куйбин, спавшая на соседней полке, мгновенно проснулась в тревоге. Ее круглые глаза искали Ши Удуаня, когда она перелетела к нему на плечо. Кролик тоже почуял опасность, выскочил на своих корявых лапках и прижался к его ногам.

Ши Удуань распахнул дверь во внешнюю комнату, расправил рукава и чопорно поклонился, приветствуя стоящих во дворе людей:

«Я не знал, что вы все придете, Удуань не отличается гостеприимством, простите меня».

Чжао Чэнъе и остальные едва успели ступить во двор, как их со всех сторон окутал белый туман. Мгновенно они словно погрузились в тяжелый туман, как гора в облаке. Чжао Чэнъе застыл на месте, подумав, а ведь тогда, когда я получил приказ шишу, я думал, что убить этого сопляка будет проще простого, кто бы мог подумать, что во дворе будут такие ловушки – может ли быть, что все эти годы все было так, как и предполагал шишу, а этот сопляк выжидал время и прикидывался дурачком?

«Это массив», – сказал Цзян Чунвэнь, шедший позади него. Он считал себя знатоком иллюзий, иначе не рискнул бы выставлять себя дураком, демонстрируя их на сцене. Но между иллюзиями и массивами было тонкое сходство, поэтому он немного упражнялся. Цзян Чунвэнь огляделся вокруг, сделал несколько расчетов пальцами, затем указал на каменную дорожку:

«Я думаю, что этот туман похож на массив «Кровавой Свечи», который не является очень сложным массивом. Все следуйте за мной, не сбивайтесь с пути».

Но как только он закончил говорить, они вдруг услышали, как хлопнула дверь. Ши Удуань бесстрастно стоял в дверном проеме, на его лице была совершенно приветливая улыбка. От прежней растерянности и смущения не осталось и следа.

Он медленно обвел всех взглядом, покачал головой и спокойно вздохнул:

«Действительно, Банья-шишу меня переоценил».

Цзян Чунвэнь усмехнулся:

«Парень, ты безрассуден или невежественен, раз думаешь, что сможешь использовать ничтожный массив «Кровавой Свечи», чтобы заманить нас в ловушку?»

Ши Удуань скромно ответил:

«Твоя критика совершенно верна, шисюн».

Цзян Чунвэнь,

«.....».

Ши Удуань отряхнул рукава и улыбнулся:

«В моей скромной обители нечем развлечь гостей, кроме нескольких коротких свечей и этих духовных камней во дворе, сделанных из подручных материалов, простите мою невежливость».

Он редко улыбался в последние несколько лет, но в этот момент его ухмылка немного напоминала его детскую, намек на клыки и ямочка на левой щеке намекали на то, что он готовит неприятности, это действительно заставляло хотеть избить его.

Чжао Чэнъе скрипнул зубами:

«Цзян-шисюн, хватит тратить время на разговоры с ним».

Цзян Чунвэнь не очень хорошо относился к Ши Удуаню. Чтобы продемонстрировать свои знания о массивах, он без колебаний начал идти вперед.

Но тут начали происходить странные вещи.

Чжао Чэнъе казалось, что разница в шесть метров между ним и Ши Удуанем, который стоял с птицей Куйбин на плече и насмешливой улыбкой на лице, была даже больше, чем морской простор и пространство между горами, расстояние, которое он не мог преодолеть, сколько бы ни шел. Он с сомнением посмотрел на Цзян Чунвэня и заметил, что тот вспотел.

Ши Удуань изучал массивы всего несколько месяцев, он не знал и доли того, что знал Цзян Чунвэнь, но то, что он узнал от культиватора-изгоя Цзян Хуа, было основой массивов - математика.

Для обычных людей счет - это математика, астрономия - тоже математика. Но на самом деле массивы, несмотря на тысячи типов и категорий, были вариациями одной и той же темы - просто духовно настроенный объект выступал в роли глаза, а создатель массива - в роли посредника, и все это происходило по определенному алгоритму. Если человек понимал расчеты, то в действительности «массивы» не могли считаться дисциплиной сами по себе. Даже если кто-то запомнил тысячу массивов, мастер мог изменить любую переменную в массиве и превратить его в тысячу и одну вариацию.

Ши Удуань уверенно улыбался, но он знал пределы возможностей своего массива. Несмотря на то, что Битан никогда ни в чем ему не отказывал, он никогда не позволял ему приближаться к чему-либо с духовными свойствами, кроме астролябии, которую он сам принес.

Та короткая кровавая свеча была сделана из его собственной крови и нити звездного шелка из астролябии, сплавленной с воском. Он экспериментировал бесчисленное количество раз, но ему удалось сделать лишь один маленький отгрызок. Как только он сторит, больше ничего не останется.

Поэтому действовать нужно было быстро. Убедившись, что толпа попала в ловушку, он вежливо попрощался с ними, сказав:

«Прошу прощения у всех шисюнов, просто вы пришли не вовремя. Я как раз собирался покинуть гору, чтобы немного побродить по окрестностям, и у меня нет времени принимать гостей, так что я уже иду. Вы, ребята, можете угощаться чаем и закусками».

Ши Удуань повернулся и ушел, казалось, исчезнув на их глазах.

Какой путь выбрал Ши Удуань? Конечно же, это был путь, который Банья тихо расчистил для того, чтобы избавиться от него. Чжао Чэнъе все же считался элитой, хотя и с трудом, и его работа была тщательной, что позволило Ши Удуаню беспрепятственно добежать до первого поста на дороге, ведущей вниз с горы.

Ши Удуань спрятался в лесу, наблюдая за поставыми. Он подумал:

«Вот это неприятность, похоже, я забыл, где находятся пропускные пункты после долгого пребывания на горе. С каких это пор люди стоят здесь на страже?»

Он нахмурился, понимая, что кровавая свеча долго не продержится. Он уже отпустил птицу Куйбин в самостоятельный полет, поэтому взял кролика на руки и засунул его в сумку. Но кролик оказался слишком «огромным» и не поместился в его крошечную сумку. Ши Удуань немного рассердился. Он ткнул кролика в голову и пробормотал:

«Ты действительно яо? Почему ты такой....».

Кролик мило моргнул и ткнул его головой в палец, дернув маленьким ртом. Ши Удуань опустил на землю. Он привязался к двум единственным живым существам, которые сопровождали его последние несколько лет, он не мог бросить их, какими бы глупыми они ни были.

Он присел на корточки, его мысли неистово металась. Глядя на пышную траву вокруг себя, он вдруг загорелся идеей. Он достал несколько листков и в мгновение ока создал кучу маленьких фигурок животных. Ши Удуань тихо произнес заклинание, после чего маленькие зверушки шатко встали и разбежались во все стороны.

Ши Удуань тихонько захихикал, щелкнул пальцами, и маленькие травяные тотемы одновременно вспыхнули, разбрасывая повсюду искры и угли. Учитывая растительность на горе и деревянные постройки, пожар представлял собой серьезную опасность. Прошло совсем немного времени, прежде чем все начало загораться.

Поскольку дым был повсюду, никто не знал, откуда начался пожар. Охранники на пропускном пункте были уже наполовину пьяны, когда почувствовали едкий запах дыма и вскочили на ноги, бросились наружу с криками:

«Пожар! Там пожар!»

Когда хаос начал распространяться, Ши Удуань потрепал кролика по загривку и приказал:

«Прикинься мертвым!».

Кролик тупо смотрел на него. Ши Удуань повторил:

«Ты умрешь, если не будешь прикидываться мертвым!».

Тут же глаза кролика закатились к затылку, он перевернулся и перестал двигаться.

Ши Удуань схватил его за уши, затем сделал порез на пальце и намазал им шерсть кролика. В освещенной огнем ночи казалось, что он несет дичь. Он опустил голову, взъерошил волосы и выскользнул в хаос.

Заметив периферийным зрением огонь, он вспомнил, как когда-то плел сверчков из травы, чтобы заставить Бай Ли улыбнуться, и не мог отделаться от мысли, что эти воспоминания были созданы целую жизнь назад.

<http://bllate.org/book/14187/1250179>